

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЗАГАДКИ МОНАСТЫРСКИХ ОКРЕСТНОСТЕЙ

СВЯТЫНИ БЕЛОЗЕРЬЯ: ЯЗЫК ЗЕМЛИ

озволю себе начать очерк с цитаты из книги "Методы топонимических исследований", автором которой является известный ученый из Екатеринбурга, доктор филологических наук А.К. Матвеев: "Достаточно взглянуть на карты русского землевладения в Белозерском крае в XV — XVI вв., чтобы установить, что в этот период юго-запад Белозерья еще не был заселен русскими и, как свидетельствует топонимия, был занят чудью, в то время как район Кирилло-Белозерского монастыря был прочно освоен русским населением. Топонимия юго-западного Белозерья свидетельствует о медленном обрусении местной чуди, названия района Кирилло-Белозерского монастыря — о более интенсивном процессе ассимиляции при развитии феодального хозяйствования".

Я же, соглашаясь в целом с ходом мыслей А.К. Матвеева, хочу добавить, что от XV — XVI веков дошло до нашего времени огромное коли-

чество памятников письменности в сфере государственного и частного делопроизводства, в которых сохранились сотни топонимов из окрестностей Кириллова, Горицкого, Ферапотова, Нило-Сорского монастырей. Чрезвычайно интересно сравнивать названия озер, рек, деревень полутысячелетней давности с их современными формами. Правда, большинство географических названий за столь длительный срок практически не претерпело никаких изменений, но вот некоторые топонимы чудского (а чудью тогда называли представителей финно-угорских народов — весь /вепсы/ и лопь /саамы/, живших в Белозерье до славян) происхождения претерпели в русской языковой среде такие трансформации, что на первый взгляд кажутся даже нереальными.

Деревня Карботка стоит на берегу озера Покровского. Помню, когда я десять лет назад впервые побывал в Кириллове и услышал на-

звание Карботка, мне показалось, что это продукт индустриального XX века, топоним, отражающий какое-то химическое производство. Первое впечатление, как это часто бывает, оказалось обманчивым: чуть позже, в "Сотной из писцовых книг на земле Кириллова монастыря в Белозерском уезде", датированной 1544 годом я обнаружил следующую запись: "А в Покровском приходе деревня Каргобат". От этого топонима "химией уже не пахнет", его структура выдает лопарское происхождение. Первая часть названия — "карго" — в языке лопарей имела значение "заболоченный лес", а вторая — "бат" — сопоставима со словом "ватт" — "холм". Каргобат — "Холм среди заболоченного леса". Деревня действительно находится на возвышенном сухом берегу озера, а вот к западу от нее расположена заболоченная местность вплоть до Сиверского и Лунского озер. Название последнего озера — еще одна из загадок кирилловской топонимии.

Форма названия — Лунское — говорит в пользу русского происхождения имени озера. Но что лежит в основе топо-

нима? Неужели слово "луна"? Это маловероятно, потому что ничего подобного в русской топонимии я не встречал. Тогда, может быть, название озера Лунское является неудачным переводом с вепсского языка, где есть следующие слова: "кудмо" — "луна" и "кудом" — "нерест, метание икры рыбой". Озеро Лунское, глубина в котором не превышает трех метров, соединено протокой с Сиверским озером, наибольшая глубина которого 26 метров ("сювя" по-вепски "глубокое"). Возможно, для рыбы из Сиверского озера именно мелкое и теплое Лунское служило отличным нерестилищем, что и было подмечено чудью. А вот русские перевели название на свой язык неверно, использовав для этого похожее вепское слово со значением "луна". Надо отметить, что такие неудачные переводы известны и в других местах Русского Севера.

В монастырских окрестностях я нашел и другие чудско-русские переводы и топонимические параллели, более удачные, нежели приведенные выше. Например, в "Писцовой книге езовых

орцовых волостей Белозерского уезда" от 1585 года можно встретить рядом следующие топонимы: "Деревня Хизево . . . , сена на Шексне у Святаозера 30 копен". Сегодня место, где стояла эта деревня и было пойменное озеро, затоплено водами Череповецкого водохранилища. Внешне ничего сходного у названий деревни и озера нет, но стоит раскрыть значение основы "хиз", которая во всех прибалтийско-финских языках переводится как "языческое жертвенное место, где живет леший", становится ясно, почему рядом с этой деревней возник топоним Свято-озеро. Православная церковь в данном случае попыталась распространить свое влияние и на область топонимии.

В писцовой книге 1585 года упоминается озеро Лыдоро. Сегодня этот небольшой водоем (к северу от Кириллова, близ деревень Щелково и Ермаково) носит название Лыдырь (Лыдарь). Данный топоним возник еще в чудские времена, но ни в вепском, ни в лопарском языках нет звука "ы". По мнению А.К. Матвеева этот звук мог появиться лишь в

русской языковой среде на месте исходных звуков "е" или "и". В этом случае все встает на свои места: основа "лед" в языке вепсов означает "песчаное", а формант "-оро" трансформировался из вепского "ярь" — "озеро". Любопытно, что рядом с Лыдырем — "Песчаным озером" есть тоже небольшое Каменное (Каменское) озеро. Видимо, пара подобных топонимов на основе противопоставления особенностей природы возникла в дославянские времена, но дальше пути названий разошлись: одно было полностью переведено на русский язык, другое же подвергнулось таким фонетическим изменениям, что от первоначальной формы остались одни согласные звуки.

Одна из самых загадочных историй произошла с названием деревни Ратибор, которая стоит на правом берегу Шексны против деревни Бонема (в лопарском языке "бой" — "ручей", "нем" — "мыс"). В XVI веке в писцовых книгах, например, в упоминавшейся уже книге от 1544 года, рядом с описанием починка Бонема неизменно идет описание почин-

Александр КУЗНЕЦОВ

ков Ракульский и Ракульский Бор. То есть, за пять веков топоним трансформировался почти до неузнаваемости: Ракульский Бор — Ратибор.

Хочу отдельно остановиться на происхождении основы "ракула", которая, кроме упомянутого топонима, присутствует в названиях деревень Череповецкого, Вологодского, Харовского и Сокольского районов Вологодской области, а также в названиях нескольких деревень Архангельской области. На севере Кирилловского района, в Чарозерском сельсовете, есть деревня Ракула. Но к описываемому

мною случаю отношения она не имеет, так как находится слишком далеко от монастырских окрестностей.

По-моему, само понятие "ракула" появилось в топонимии в результате тесных контактов русского и чудского населения нашего края в древности. "Рай" — это заимствованное вепсами у русских слово "край", а "кула" по-вепски — "чужая, невепсская, деревня". В целом топоним Ракула можно перевести, как "Чужая крайняя деревня". "Чужими" для вепсов на каком-то историческом отрезке были русские. Скорее всего, около деревни Ракульский Бор проходила

ница, межа между земельными владениями русских и вепсов. Потверждение этому я вижу в названии другой деревни на правом берегу Шексны — в 5 километрах южнее Ракульского Бора стоит село Иванов Бор. Доктор филологических наук из Вологды Ю.И. Чайкина считает, что Ивановым Бором в XVI веке стала называться целая волость по имени землевладельца Ивана Цыпляти, жившего в середине XV века. К северу же от Ракульского Бора, примерно на таком же расстоянии, что и Иванов Бор, находятся две деревни с типично чудскими именами — Каргач (см. Каргобат) и Рандач (от вепского "ранд" — "берег")*, а между ними археологи раскопали остатки крупного вепского поселения, известного под услов-

ным названием Крутик. И все-таки остается нерешенным основной вопрос: почему из Ракульского Бора топоним превратился в Ратибор? Возможно, существовали и какие-то промежуточные формы этого названия. Когда их удастся найти, тогда загадка будет решена полностью.

Приведенными примерами из топонимии монастырских окрестностей все интересные случаи изменений географических названий, конечно же, не исчерпываются, но рамки журнального очерка заставляют меня оставить другие загадки для следующих публикаций.

Александр КУЗНЕЦОВ

* Характерно, что Иванов Бор еще в нашем веке имел и второе название — Берег

